

ТРИУМФ ВСЛЕПУЮ

Продолжение. Начало читайте в № 1.

Тревожит нас издалека
Былого значимое эхо,
А суетливые века
Воспоминаньям не помеха.
Отвага боль вбирает вновь
И возвращается к потомкам,
А предков братская любовь
Горит лампадкой в мире ломком.
Царит безжалостный настрой
В тисках окопной круговерти,
В сраженьях с нечистью порой
Позорный страх страшнее смерти.
Нам память сердца дорога,
Ведь мы умеем по наследству
Самозабвенно бить врага
В чужих краях и по соседству.

Истинная словесность должна откликаться на социальные запросы общества и по возможности художественными средствами с откровенной скрупулёзностью отображать разноликую действительность. Иначе ей грош цена! Незрячих творцов принцип глобальной сопричастности тоже касается в полной мере. Увы, у самодеятельных сочинителей слишком редко появляется реаль-

ный шанс проявить себя на «полную катушку», поэтому любая возможность выйти на более высокий уровень им особенно дорога и должна всячески приветствоваться.

На суперпрестижный Всероссийский конкурс литературных работ людей с нарушением зрения, посвящённый Году культурного наследия народов России, принимали исключительно качественную беллетристику в номинациях: эпос, лирика и даже драма. На первый взгляд, они казались всеобъемлющими, предоставляя участникам практически полную жанровую свободу. Однако наблюдались явные приоритеты.

Вот и получилось, что в арсеналах победителей напрочь отсутствовали пьесы, трагедии, комедии, водевили, интермедии, да и скетчи. В прозе преобладали: эссе, рассказы и новеллы, в том числе, мемуарного и очеркового характера. Встречались и малоформатные повести, укладывавшиеся в стостраничный лимит. Конечно же, тщательный отсев не могли преодолеть объёмные сборники, солидные романы или эпические мифы. Так и не пробившись к заветной вершине общественного признания любовные поэмы или послания, традиционные гимны или сонеты, тексты песен или романсов. По-видимому, они проиграли острую конкурентную борьбу. Логично, что львиную долю отшлифованных строф составили традиционные стихотворения, включая житейские и природные зарисовки, своеобразные баллады со славянским коло-

ритом, а кроме того, патриотичные оды, по-современному воспевавшие милую Отчизну.

В ходе обсуждения маститые члены «судейской коллегии» отмечали неподдельную самобытность, искреннюю любовь к Родине, широкий кругозор и достаточно высокий уровень мастерovitости лауреатов. Хотя компетентные специалисты обратили внимание на невольную подражательность и технические шероховатости отдельных произведений, в целом их впечатления о прочитанном несли позитивный заряд. В частности, писатель и литературовед Евгений Водолазкин, прозаик и эссеист Дмитрий Воденников, критик Григорий Заславский и журналист Антон Красовский, а также поэт Владислав Маленко в персональных комментариях очень благожелательно и с большим тактом отзывались о творческом потенциале незрячих конкурсантов. В публичных выступлениях российские корифеи особо подчёркивали поразительную яркость красок, разнообразие выразительных средств и выверенную точность деталей представленных материалов.

Письменные работы, присланные в Москву, должны были соответствовать трём ключевым темам, а именно: «Культура моего народа», «Моя малая родина», и «Россия — Родина моя». Обычно слепые претенденты ограничивались лишь одной из них. Впрочем, экспериментировать в рамках основных правил не запрещалось, поэтому нашлись и умелые «универсалы словесности», замеча-

тельно проявившие себя как в традиционных, так и в совершенно неожиданных ипостасях.

Просто-таки калейдоскопичным разнообразием поразил нижегородец Павел Шмыров, задавшийся целью отметиться по максимуму. Правда, несмотря на наличие пяти мини-эссе и трёх рифмованных подборок, он с трудом пробился в призёры, потому что его 479 баллов составили всего только девятую сумму. Занятно, что ударнику литературного труда не хватило жанров, предложенных организаторами. Видимо, поэтому виртуоз стилизаций добавил к популярным классическим формам и авторские «Сказки», по сути, являющиеся структурированными миниатюрами в псевдонародном стиле. Эти шуточные опусы отчасти напоминают нестандартные басни с частушечным ароматом. Недаром в них фигурируют былинные витязи да представители нечистой силы. Разумеется, в числе знакомых с детства персонажей и совсем «домашняя» и даже трогательная Баба-Яга, вызывающая невольную симпатию. Судите сами:

«За чертою на куличках

Летом — зной, зимой — снега.

Там в избе на лапках птичьих

Дремлет Бабушка-Яга.

Варит бабка щи из травки.

В чаще ягода — ничья.

А по лесу бродят мавки

И русалки у ручья.
На болоте воют черти,
Тёмный лес со всех сторон.
Бабке пенсию в конверте
Не приносит почтальон.
Ничего она не купит,
Ест и пьёт, чего найдёт,
Но зато летает в ступе
Побыстрей, чем самолёт.
Водяной дровишки рубит,
Леший избу сторожит.
Каждый внучек бабку любит
И от страха не дрожит!»

Как водится, зрелые плоды вдохновения в основном заполняют обширные «закрома» реалистичной лирики. Надо подчеркнуть, что если некоторые отборные творения продвинутого литератора выстроить в определённом порядке, то складывается довольно субъективная, но любопытная ретроспектива изнурительного процесса становления славянской идентичности. Это убедительно подтверждают и выразительные «Видения» с погружением в архаичную ностальгию генетической памяти:

«В струйно пляшущем огне
Нас манило и влекло
Ярость битвы, страсть и гнев,

Жизни вечное тепло.
Посреди веселья вдруг
Тихо явится печаль.
Разомкнётся будней круг
В фантастическую даль.
Открываются миры,
Неизвестные досель.
Рушит правила игры
Звёзд шальная карусель.
Погружаемся к корням,
В изначалие Руси.
По языческим огням
Сердце плачет и грустит.
Там средь леса и травы
От костров струится жар.
Седоусые волхвы
Поднесли Яриле дар.
А в дыму степных костров
Люто стрелы мчались в цель.
Средь мятущихся миров
Звонко пел подруге Лель.
В песне той — любовь и грусть.
Этой песнею звеня,
Возродится наша Русь
Птицей феникс из огня!»

Понятно, что пытливый волгарь углублённо изучает прикладное краеведение. Романтическая легенда о славных деяниях земляков, перелитая любознательным стихотворцем в ритмичные строфы, завораживает и будит воображение. Надо сказать, что согласно летописям Нижний Новгород был заложен ещё до нашествия монгольских кочевников. Это имеет важное значение для понимания его роли в истории нашей страны, ведь ключевым этапом появления общенационального самосознания и формирования государственности являлось возведение укреплённых поселений вокруг церквей. К сожалению, достоверных сведений о тревожном периоде восьмисотлетней давности совсем немного, но при недостаточной информированности порой выручает поэтическая фантазия:

«Река текла спокойно, величаво,

Не скованная арками мостов.

Два берега — налево и направо —

В воде купали волосы кустов.

Здесь над водой непуганая птица,

Звеня крылом, взмывала в вышину.

Вдруг стругов негустая вереница

Прошла, взбивая вёслами волну.

Не перепутье — выступ стрелки острый.

Её обнявши, словно две руки,

Сошлись навеки любящие сёстры,

Ока и Волга — две больших реки.

Разливы вод приковывали взоры,
Зелёный берег неприступен, крут.
Князь огляделся и промолвил: «Скоро
Град-камень крепок мы зложим тут.
Окой и Волгой — древний путь торговый,
По рекам тем к соседям доступ ближний...»
И в тот же год вознесся город новый,
Что при рожденье назван просто: Нижний!»

Невзирая на губительные пожары и неурожаи, а главное — княжеские междоусобицы, способствовавшие роковому торжеству разноплеменных захватчиков с Востока и Запада, православные сохраняли преданность единоверию. Русскоязычные страсотерпцы веками накапливали справедливую ненависть к поработителям и в конце концов сбросили тягостное иго, чтобы занять подобающее положение в мировом социуме.

Неутомимый популяризатор гуманитарных знаний и в прозе по-прежнему продолжает воспевать достижения соотечественников. Его «Записки книгочея» выполняют благородную просветительскую миссию, доказывая необходимость вдумчивого и бережного отношения к наследию прошлого. Используя короткие фрагменты образовательного труда Шмырова, тоже хочу отдать должное коллективной мудрости подвижников минувших эпох:

«С началом христианства пытались устраивать школы при монастырях. В Новгороде с грамотностью было луч-

ше. Берестяные грамоты с купеческими расчётами, бытовой и даже любовной перепиской дошли до наших дней. Сохранилась учебная тетрадка мальчика Онфима. Русская литература в Средние века — это летописи, былины и социально-политические произведения, сохранились «Повести временных лет», «Слово о полку Игореве», «Слово о законе и благодати» Иллариона, «Моление» Даниила Заточника. Борьба с иноземными захватчиками показана в «Слове о погибели Русской земли», «Сказании о Евпатии Коловрате», «Задонщине». Развивалось и русское народное творчество, коллективно создавались: «Бова-Королевич», «Полкан-богатырь», «Повесть о Горе-Злосчастии»...

Монахи, кроме священных книг, писали ещё и хроники, которые постоянно пополняли сведениями, получаемыми от странников, паломников, купцов... В 1382 году хан Тохтамыш вместе с Москвой сжёг огромное количество книг, собранных в каменном соборе. До сих пор не найдено легендарное хранилище фолиантов Ивана Грозного... Жаль погибших библиотек...»

Из «богатырской тройки» талантливых представителей сильного пола типичным прозаиком оказался лишь Станислав Пичуев, который за увлекательную двухчастёвку мрачноватого содержания в итоге получил 484 балла и вполне заслуженно прорвался на восьмое место. Интересно, что поначалу он числился жителем

Шадринска Курганской области, а долгожданную награду ему вручали уже как читателю Приморской краевой библиотеки для слепых, расположенной во Владивостоке.

Хоть я выбрал далеко не самые кровавые эпизоды исторического повествования «По дороге на Козельск», отнесённого к номинации «эпос», возможно, даже данные отрывки кому-то покажутся чересчур натуралистичными. Однако такая сознательная обнажённость правды жизни заставляет искренне сопереживать страданиям наших непокорных предков, ставших жертвами неумолимой жестокости ордынцев. Несомненно, именно в битвах с безжалостными завоевателями со временем выковалась негибкая воля и мужество россиян. В любом случае авторская трактовка имеет право на существование. С некоторым трепетом предлагаю вниманию наших уважаемых подписчиков горестный зачин и знаменательный финал трагичной хроники давних событий:

«Руины города тонули в море огня. Объятые пламенем тела жителей, остатки домов и укреплений навсегда исчезали с лица земли, становясь пеплом, уходящим вместе с чёрными столбами дыма куда-то в грязно-серые облака. Пахло гарью и разложением, конским потом и немывыми человеческими телами. Скалясь жуткой багровой пастью, завывая разными голосами, сотворённый людьми ад бесстыдно показывал себя небу.

Сидящий на коне хан Батый смотрел на огненное море. На душе было нехорошо, тревожно. Хотелось приказывать радостно кричащим воинам замолчать, но хан сдержался, прекрасно понимая, что будет не прав. Победа есть победа, даже если она не самая выдающаяся. Батый слегка дёрнул уголком рта, снова вспомнив о том, сколько дней его войско потратило на этот захолустный городок. Подумать только — целых семь недель! Много. Непозволительно много для сильного, хоть и потрепанного войска, с которым он пришёл под стены проклятого города. А сколько славных всадников сложили головы за время осады? Захотелось закричать, но хан обуздал этот порыв, внешне ничем не выдав своих чувств и продолжив смотреть на бушевавший огонь.

Городок назывался Козельск. Хорошо укреплён, но далеко не выдающийся даже в сравнении с другими, тоже не выдающимися, русскими городами, не говоря уж про крепости Поднебесной или Хорезма. И всё же хан знал, что навсегда запомнит это место. Оно не затеряется в числе прочих, не сотрётся из памяти ни громкими победами, ни смертями врагов. Его не зальёшь ни крепким кумысом, ни кровью, ни огнём. Теперь это злое место будет приходить в снах, будет преследовать до конца жизни, ибо оно — знак, знак того, что ещё не произошло, но обязательно произойдёт...

* * *

Казанский хан Ядыгар-Мухаммед стоял на крепостной стене и смотрел на огни лагеря русских. В темноте многочисленные костры были словно горящие глаза демонов преисподней. Они пожирали хана, вселяя в душу безысходность и страх, заставляя путаться мысли, злиться.

— Собаки, жалкие собаки. Мы ещё посмотрим, кто кого! — шептали губы хана. Слова. Всего лишь слова успокоения, самообман, призванный хоть немного отдалить бездну отчаяния, готовую вот-вот пожрать его душу. Исход был предрешён. Ядыгар понимал это, но продолжал надеяться на чудо. В конце концов, в жизни случается всякое. Вот и русское войско может постигнуть неудача. Два раза Казань удалось отстоять, почему бы не отстоять её в третий?

Хан, потомок рода Чингизидов, негромко рассмеялся, представив, как кто-нибудь из его великих предков, живший лет триста назад, мечтает о чуде в сражении против русских. Немыслимо. А теперь что? Теперь могущественная держава, некогда раскинувшаяся с востока на запад, разбилась на мелкие осколки. Правители осколков погрязли в междоусобных войнах, думая лишь о сиюминутной наживе и укреплении личной власти. Они забыли об истинной славе рода Чингизидов, предались низменным страстям, перестали видеть дальше своего носа. А тем временем совсем рядом

появилась новая сила. Эту силу завещал держать в узде сам великий Бату. Уже тогда он видел, чем всё закончится, если дать рабам подняться с колен. Недоглядели. Упустили. И вот результат — вчерашние данники, эти русские князья, жалкие псы, что питались объедками со стола ханов, теперь сами диктуют Чингиздам свою волю, то не платя дани, то меняя правителей в осколках Золотой Орды, а то, как сейчас, попросту приходя с войском под стены приглянувшихся им городов. Нелыханная наглость! И в ней особенно преуспели московские князья.

— Царь! — выплюнул короткое слово Ядыгар, вложив в него всё презрение и ненависть, на которые был способен. Кто бы мог предположить, что настанет день, когда одна из этих московских собак назовёт себя царём и имеет наглость укусить хозяина! Более того, всё указывало на то, что вскоре хозяин и собака поменяются местами. К тому же Ядыгар не сомневался, что на Казанском ханстве Иван не остановится и пойдёт дальше, много дальше, присоединяя к Москве один осколок Орды за другим.

Под стенами раскинулось огненное море. Пока оно было спокойным, но скоро должна была разразиться буря. Ядыгар чувствовал её приближение, как чувствовал и то, что в буре погибнет старое и родится новое. Он отвернулся от огненного моря, не в силах на него смотреть. Неумолим бег времени, с первыми лучами солнца всё из-

менится раз и навсегда. С первыми лучами солнца придёт другая эпоха...»

Как ни странно, в ударной когорте элитных лауреатов царил безоговорочный матриархат. Тем не менее, наивысший результат в поэзии показал даровитый Алексей Пижонков, получивший свои 503 балла за проникновенное стихотворение «Сталинград». В нём удалось на практике применить яркие эпитеты и создать запоминающиеся образы. Несомненно, тонкому лирику было совсем не просто найти нестандартные решения в пронзительных строчках военно-патриотической направленности. Естественно, данный рифмованный шедевр посвящался юбилею великой победы на Волге, что чрезвычайно актуально в нынешнем феврале.

«Семейный подряд» супругов из Казани тоже удался на славу! Ещё бы, ведь от лидера всего на один пункт отстала его законная муза Марина, а на торжественных мероприятиях в Доме Правительства именно её «Легенда о Торжокских мастерицах» дважды прозвучала в исполнении народного артиста Российской Федерации Сергея Безрукова, высокохудожественное чтение которого произвело неизгладимое впечатление на всех собравшихся.

Кстати, признанного корифея с удовольствием слушала Диана Гурцкая, недавно удостоенная того же почётного звания. Второго декабря она активно участвовала в церемонии награждения, так как являлась замес-

тителем председателя жюри. В эмоциональных выступлениях генеральный директор Российской государственной библиотеки Вадим Дуда и доктор медицинских наук Елена Васильева тоже не скрывали восторженности в отношении творческих презентаций людей с ограниченными возможностями здоровья. Закономерно, что знаменитые деятели культуры предложили сделать праздник словесности традиционным и международным, а все неравнодушные коллеги по авторитетному ареопагу их решительно поддержали.

Несомненно, общероссийский конкурсный дебют оказался успешным. Порадовало, что незрячие писатели, сохраняя собственную индивидуальность, старались придерживаться заданной тематики. В актуальной беллетристике они делали акцент на отечественную специфику, а в сочинениях о «седой старине» подчёркивали созвучную преемственность чаяний различных поколений. Православная духовность пронизывала многие произведения, причём отголоски очистительного гула с колоколен порой угадывались даже без прямых упоминаний в тексте. Он невольно проникал в сознание и заставлял задуматься о вечном!

От храма плыл неспешный звон
Тысячелетнего разлива,
Печаль и радость, явь и сон
Переплетая прихотливо.

Прильнувший к пламени костра
Таился благовест в набате,
А наносная мишура
В уединении некстати.
Не раз предшествовала мгла
От искры вспыхнувшим пожарам,
Но день за днём колокола
Бросали вызов чуждым чарам.
Неугасимое тепло
В годину горестей спасало
И ураганам всем назло
Хранило страждущих от шквала.

Владимир Бухтияров

Окончание следует.